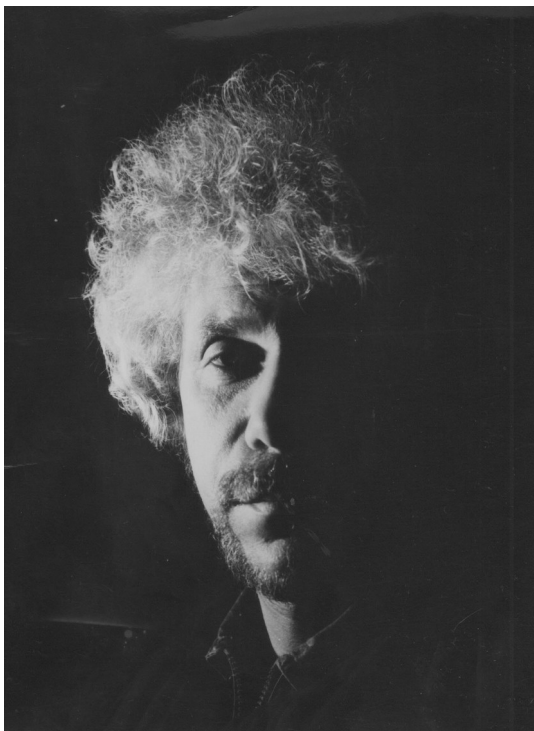

Александр Гордин

УРОКИ ПОЭЗИИ

На фото И.Дорохова - А.Гордин в 1997 году

Александр Гордин

УРОКИ ПОЭЗИИ

СТИХИ

г. Иркутск

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2- Рус) 5
Г 70

Гордин А.И. Уроки поэзии. Стихи. –
Иркутск: Типография «Иркут», 2018. - 88
с.
1

В новый сборник стихов Александра Иннокентьевича Гордина «Уроки поэзии» вошли его литературные опыты, зачатые в смутные для России 90-ые годы XX века. Многие из них хранят следы субъективного восприятия этого трагичного времени, хотя автор не делает никаких публицистических оценок.

ISBN 978-5-904740-96-2

МОИ УРОКИ ПОЭЗИИ

Уроки жизни и уроки поэзии для меня - одно и то же. Поэзия - дыхание души и лишь придыхание разума. Без её вдохов и выдохов моё капризное тело мгновенно задохнётся, погаснет сердце и потускнеет сознание.

Так я решил для себя. Для меня лично такое решение почему-то важно, и я требую, чтобы его уважали окружающие меня люди.

Мои уроки поэзии – скромная попытка понять себя. Зачем? – Не знаю. Очевидно, это стремление свойственно любому человеку. Только пути достижения разные. Это мой путь. Парадокс заключается в том, что я далёк от мысли, что он уникален. Но и я же

уверен, что это мой собственный духовный удел.

Я уже в таком возрасте, когда не верю ни в случайности в жизни, ни в случайность самой жизни, тем более в случайность рождения слов в стихотворении. Конечно, мне известна точка зрения некоторых специалистов в области стихосложения, которые считают, что недопустимо ради сохранения ритма стихотворения или «для рифмы» использовать случайные слова. Считается необходимым, чтобы смысл «совпадал» с размером и рифмой. К этому стремятся почти все. Мне это неинтересно...

Меня более интересует поэзия разговорной речи, которая всегда - импровизация, максимально приближенная к общему потоку сознания, в котором интуитивное, образное и понятийное мышление неразделимы.

Написанное слово, в каком-то смысле, ложь. «Ложь» редактирования: изменения в угоду какой-нибудь эстетической школе, литературной форме произведения, сиюминутным мировоззренческим установкам и т.п.

А записанное слово – истина. Истина мгновения, запечатлевающего человека, который его произнес таким, какой он есть в сию минуту, а не таким, каким бы он хотел видеть самого себя и других.

Я записываю слова!

Я жду и ловлю их озарения. Тогда они для меня - откровение чего-то тайного, сокровенного, первозданного, не замутненного ещё лукавым разумом. Важна случайность, спонтанность, которая на ходу рождает (во время движения, сердцебиения и дыхания!)

смыслы – так поэзия учит меня жить...

Формально это можно назвать поэтическим приёмом, в котором одно слово рождает другое, ритм организовывается не каким-то специальным стихотворным размером, а сиюминутным летучим настроением, желанием или нежеланием жить, состоянии погоды (солнцем, дождём, снегом, ветром!), отношением к тебе близких людей и т.п. В конце концов, просто дыханием, точнее, количеством воздуха, которого хватает для произнесения одной фразы. От этого поэтическая речь разгоняется, замедляет своё течение или вовсе останавливается, превращаясь в омут или улова – произвольно, непредсказуемо, как это всегда и бывает в естественной, живом сказании. Надо ли говорить, что оно

*имеет очень мало общего с
искусственной, нарисовано-
придуманной поэтической речью?
Этому учит меня поэзия. Если кого-
то она учит чему-то другому, я не
возражаю. Напротив, мне
любопытно познакомится с другим
опытом познания мира посредством
слова.*

А.Гордин

ПРОВОЗГЛАШЁННОЕ НЕБО

**Холодная комната.
Снова ночь.**

Безмолвие белого листа.
Снова считаю гроши до полочки:
надо встать
и сдуть с неба звездную пену...

27 марта 1996 года

Лизальщицы мороженого

О чем думается вам,
лизальщицы мороженого?!
Ваш язык чувствительный,
как рапира в руке спортсмена,
пылкое сердце которого
прикреплено специальным канатом,
к чьему-то потустороннему разуму.
Ваши губы –
две перламутровые волны,
пахнущие парфюмерией
и прошлогодними кедровыми
орехами.

Ваши зубы –
галька на берегу Байкала.

**О чём вам думается,
лизальщицы мороженого?
1993 г.**

**Эй, нашкодившее человечество!
Школярство и школьничество
остывших звезд!
Задыхающаяся рыба на берегу реки!
Застывающий в петле заяц!
Затихающая в гербарии бабочка!
Как больно костенеть...
Уходит душа – останавливаются
глаза.**

**Уходит мысль – мгла застилает мозг.
Уходит чувство – холодную кровь,
разносит сердце.**

**Сигарета потушена в пепельнице.
Остывший чай в кратере чашки.
Погаснувшие лесные васильки
в вазе,
воображающей себя вселенной.
Зачехлена гитара.**

Наполнен сосуд.
Дописано стихотворение.

О, Стрибог, с обрезанными
крыльями!
Какова идея твоей грустной улыбки,
напоминающей рассвет и закат
одновременно?

Я смотрю в небо:
и мне – всё мало и мало его!
Я смотрю на солнце:
и мне – всё мало и мало его!
Я смотрю на звезды:
и мне – всё мало и мало их!
И ещё, ещё, ещё...
Здравствуйте и прощайте.
Прощайте и здравствуйте!

Июль 1994 года

Снежное лицо твоё
как буря,
как позёмка в сердце моём...

Я смущённо трогаю небо в окне...
Дай мне дерзости июньских
снежинок! –
Пусть простыня наша
станет парусом наших книг...

Два печальных зонтика в августе.
Дождинка, прошмыгнувшая
за шиворот.

5 часов 30 минут утра.
В серой дождливой мгле
волшебный фонарь семафора.
Закроешь и откроешь глаза:
красная листва, красный асфальт
и твоё лицо напротив...
Закроешь и откроешь глаза:
жёлтая листва, жёлтый асфальт
и твоё лицо напротив...
Закроешь и откроешь глаза:
зелёная листва, зелёный асфальт
и ... твоя электричка ушла.
Значит, обжигающий кофе пить

и заглядывать вновь
в воображаемые твои глаза,
ловя в них отблеск
 воображаемого семафора.
Потом слушать тихое,
воображаемое дыхание твоё
и музыку высохшего дождя,
медленно превращающуюся
в музыку стихотворения.

Вот и вновь наша жизнь уместилась
на ладони тетрадного листа...

8 августа 1994 года

В ладонях наших детей
сгорают наши крылья.
Им, радостным, тогда теплей...

Ты знаешь, дорогая,
этот карапуз,
которого я запросто называю

Сердцем,
сегодня значительно подрос
в моей груди!
Значит, я всё ещё люблю тебя,
значит, всё ещё леплю себя
из твоих надежд на лучшее –
сшитой тобою для меня
на вырост одежды...

О, Сердце моё!

Ты знаешь, дорогая,
оно стало таким весёлым
и непослушным:
шалит,
язык показывает
самым красивым женщинам
и самым смешным воробьям,
стучится во мне громко по ночам –
сбежать, наверное, хочет...
Радуюсь его радуге чувств.
Мой дом тела
никогда не будет пуст,
пока в нём слышаться вскрики

рождающихся и умирающих слов.

О, Сердце моё!

Ты знаешь, дорогая,
мне кажется,
когда оно станет взрослым совсем,
оно пойдёт своей дорогой
туда, сам не знаю куда
и принесёт тебе то, сам не знаю что...
Только крепче держи нить этого
жизнелюбивого клубка,
сделанного из клуба облака,
из клёкота чадушек наших,
из чада бессонных ночей,
когда у меня
то свеча в руке, то молния...
Виток за витком –
всё меньше пространства в груди,
всё шире горизонты строк
О, Сердце моё!

Знаешь что, дорогая,
свяжи из него, пожалуйста,

некрасивую птицу,
и дай попить из ладоней своих,
чтобы тесно стало
в клетке квартиры нашей,
где превратились
в золотистые паутинки чувства,
где тёплая пыль
хранит прикосновения,
где шорохи штор воскрешают шепот,
но нет, главного – неба!
Пусть мы станем
крыльями этой птицы,
её глазами,
её голосом,
который расскажет детям
уже всей земли
правдивую историю нашей любви...

О, Сердце моё!

1993 г.

ПОЭЗИЯ ФАКТА

Московский дневник

Здравствуй, Москва!
Я на узкой ладони эскалатора
присмирел, как молодой солдат
перед первым прыжком
с парашютом.

Мне уже известно,
что на Крымском валу
художники босиком
спасают картины свои,
а в Третьяковке молодой монах
на полотне Павла Корина
смотрит на нас глазами
Павла Флоренского,
что в просвете между липовой рощей
на Коптеевских прудах
виден дворец графа Разумовского,
и стареющая поэтесса
на глазах у своих читателей
превращается в женщину
с загадочным именем Мария...

Здравствуй, Москва!
Мне уже понятно,

что нищие на твоих папертях
не берут подаяния апельсинами,
а в аэропорту Домодедова
хозяйничают бездомные коты
и три дежурных рэкетира,
которым испуганно улыбается
продавщица bistro.
Попутно мною сделано открытие,
что у меня ещё крепкие руки,
которым, пока ещё, под силу
удержать своё тело на балконе
пятого этажа,
когда сердится поэтесса,
а потом, минуту спустя,
пьёт со мной дешёвое вино,
двусмысленно называя меня
мужчиной,
обречённым на успех...

Здравствуй, Москва!
Ты удивляешь меня:
плодами каштанов
трелями соловьёв, цветом липы;
смердящими водами Москвы-реки,

Потому что, если мне даже
сегодня улыбнётся в трамвае
самая красивая девушка столицы,
вечером всё равно начнётся
прилив сердца,
волны которого вынесут меня
на берег одинокой квартиры,
где от тоски давно засохла сирень
и на чистом листе бумаги,
брошенном на письменном столе,
записано единственное слово:
«Любовь...»

1993 г.

Зарисовка

Ночь.
Сегодня дышит нежно Баргузин.
Я протягиваю всё ближе и ближе
руки к костру,
и сквозь пальцы смотрю
в мятежную душу огня...
Зябко на душе от его жара,
но это – не боль,

**это – жажда жить,
возносясь искрою в небо...
А завтра будет утро.
Тревожно зазвучит музыка Сармы.
Рыбаки поспешат снять свои сети.
Белые чайки
 с серебристыми хариусами в
клюве
улетят к своим детям.
Мы укрепим палатки.
Приготовим свечи и вино,
бутерброды и гитару,
спрячемся в наши
 брезентовые домики,
и наступит время
дневных музыкальных молитв,
когда особенно загадочны глаза
детей и любимых,
а всё остальное не имеет значения...
Ведь пока ещё цветут для нас в мире
красные саранки и жёлтые лилии!
Всё так же восходит одуванчик луны
и жарок солнца
на тоненьком стебле**

И ещё надо кому-то собирать
слёзы звёзд в свой блокнот,
вмещающий в себя вселенную,
но не умеющий вместить человека...
Ночь.
Тает небо.
Тают угли в костре.
Скоро утро...

Звуки,
рождённые в скворечнике гитары,
улетают.
Они меня увлекают за собой
и я за ними улетаю
в самопровозглашенное небо...
И тысяча самых разных вещей:
книги,
вороны с криком «кар»! в клюве,
приблудившиеся к городу пихты и
прочее –
поднимаются над Землёй,
чтобы расправить свои крылья...
Чёрт возьми!

цвет и вес пыли...
Бледные руки мои,
подчас, умнее глаз.
Тихие ноги,
подчас, слышат
лучше вкрадчивой совести.
О, предметов загадочная суета!
Для вас достаточно
одного туюска брусники
и ломтя засохшего хлеба...
О, предметов изнеженная тоска!
Для вас достаточно
прохладной утренней росы:
в каждом хрустальной её шарике –
тот, кто умеет родиться и умереть,
прежде чем солнце
зажжёт его сияньем своим...

Только бы
короткий вздох любимой,
как жизнь падающей звезды!
Только бы
протаявшее от луны пространство
не сочилось капельками звёзд...

Любимая,
видишь, как в отдушину нашего окна
вечность небо?
А нам совсем не страшно.
Можно даже налить бокал вина.
Потом его выпить
и послушать песни Высоцкого.
Ведь дети давно уже легли спать.
Ведь сотни голодных дел
идут безумно по нашему следу.
Ведь усмешка
змеится в краешках губ учителя,
который ограничен даже во сне
территорией школы...
Ещё мгновение -
и закончится воскресенье.
А утром начинать жить сначала...
Передо мною тьма лиц
и лики небес...
Аминь!

Любимая!

Я возвращаюсь
к богу своему – Слову.
Снегириная нежность во мне.
Замерзаю от взглядов,
и некому сердце моё
в рукавице отогреть...
Так просыпайся же, мудрость, во мне
египетских статуй! –
О, безмолвность взгляда!
О, руки, прижатые к телу!
В душу смотреть
всё равно что - в вечность,
которая и так приглядывает за мной...
Жутко.
Значит, разлука с собой.
Значит, разлука с тобой...
А руки лишь тронутся с места
и – крылья!
Значит, падать и падать в небо...
Всё это было б смешно и картинно,
если б краюха поэтической луны
не превратилась
в краюху насущного хлеба 90-х...
Если б дырки звёзд

не были так странно похожи
на дырки в колготках
нашей дочурки...

Всё.

Время на раздумья иссякло.
Впереди огромная пустыня из снега...
Как донести снегиря-сердце
до тёплых ладоней мамы?

Полночь.

Вторые сутки почти нечего есть.
Но досыта снов и признаний.
Здравствуй, Слово!

Емарский дневник

На длинных ресницах волн
капли солнца.

Море особенно щедро сегодня.
У моих ног шевелятся крабы.
Как нахлынувшие воспоминания
пеною волн заливает
следы в прошлое.

Но я всё ещё чувствую
вкус твоих солоноватых губ
и горячее дыхание у своего лица...
Это – прилив.
Это – признание.
Но это уже было...
На столе чёрствая корка хлеба.
Несколько глотков бренди
на дне бутылки.
Холодный кофе.
И ты,
свернувшаяся в моей памяти
калачиком,
на клетчатом пледе...
А здесь ветер!
И волны, жаждущие моего тела.
И небо, напомнившее земле,
что красивые облака в вышине,
приблизившись к ней,
прокатываются по тайге,
как огромный состав поезда,
под колёсами которого
кричит испуганная птица,
и деревья ломаются как травинки...

связующие пространства!
О море,
кочующее в недрах земли!
О, песчинка человека,
заблудившаяся в других измерениях!
Любимая,
все-все наши с тобой разговоры –
это повесть о жизни и смерти,
которая уже давно записана
на письменах небес...
Одного взгляда на них достаточно,
чтобы понять
как мы прекрасно невежественны...

В Приморье весна.
Здесь на губах девчонок
шёпот моря и запах ветра.
Здесь в линии залива
мне чудятся изгибы твоих плеч,
а в волнах –
твои зелёные глаза.
Немного грустно.
Но хорошо!

Здесь на базарах женщины,
носят в сетках огромных крабов,
похожих на люстру с абажуром...
А вороньи гнёзда и грязь –
точь-в-точь усольские!
И кажется: вот сейчас из-за поворота
появится знакомое лицо...
Но мимо все спешат...
И я один.
Но это одиночество хорошее.
Какое счастье быть незнаваемым,
почти невидимым!
Быть вне всего
и, одновременно, всем.
Об этом стоит, право, написать!
Что я и делаю,
не мучая себя размером или рифмою,
не мучая тетрадь помарками,
не мучая тебя, поскольку
ты голоса не слышишь моего.
И этот день –
24 марта 1994 года –
тихонько превращается в листок,
засохший между строчек

книги жизни нашей...

1994 г.

Слово «город».

И в горле звук

автобуса, идущего на посадку.

Пристегните ремни,

уважаемые пассажиры:

ночной полёт сновидений закончен.

Вас ожидает бурная, мутная река

людских потоков,

важная фигура начальника

в смокинге ворона,

птичья трель телефонов,

щелячья возня учеников,

ощущение свободного полёта Земли,

планирующей

в зыбком пространстве космоса.

Сегодня будет день прекрасным!

Тёплым от дыханий.

Звучным

от прикосновений ветра и рук.

**Ветер!
Я слышу голос твой, ветер! –**

невыносима жизнь
с перебитым крылом,
влачащейся по земле тени...
Но я ещё жив – я умею любить!

Ветер!
Кто похвастаться может,
что держал тебя гордо в руках?
Я решетом таскаю воду
и ситом просеиваю ветер.
Славное дело для всех
ветренных голов,
воображающих себя
ветряными мельницами,
способными летать. Рекомендую.
Ты, ветер, -
великолепный двигатель души.
И я ещё жив – я умею любить!

Ветер!
Усталый вечер
устаами светел,
когда в безумной тишине
мой Ангел, словом меня метит...

Я жду тебя, о, вдохновенный ветер,
как женщину ждёт мужчина,
как паруса неба жаждет душа,
потому что звёзды –
всегда для неё впереди!
Но я ещё жив – я умею любить...

О, ветер!

*Бухта Емар,
Приморье, 1993 год*

Она произнесла:

- Я - Земля,
а ты – теплый дождь.
Поцелуи твои прохладные,
просочились в меня...
Я, непроизвольно, ответил ей, не
узнав свой голос:

- Я хотел быть лучом,
что бы только лишь коснуться
уст твоих...

- Фонарик ночной моей комнаты
был открыт и для странствий, и
для странностей, и для
странников.

- Стра-а-анно: я хотел стать лишь
тенью твоей, а стал твоим
собственным небом...

- Я хотела узнать, как рождаются
ливни. О чём думает птица,
парящая над землей. Где ночуют
солнечные зайчики. Кто сочиняет
музыку снегопадов. Откуда мне
было знать, что прикосновение
луча обрекает на мученичество
светить!? Нас было слишком двое
в ту ночь...

Дальше уже не совсем понятно
было, кто и что из нас говорил. Да и
говорил ли вообще? Может быть,
это бормотали наши руки, волосы,

*посеянным в расщелинах
вселенной,*

звучит:

*«Да. Здравствует ЛЮБОВЬ!» -
и будет светел лик их непременно.*

*Надевшим на себя ночной покров,
не видящим иные откровенья,
звучит:*

*«Да, здравствует ЛЮБОВЬ!» -
как клятва сотворения.*

*Изверившимся в тайне слов,
гурманам сладостных мгновений,
звучит:*

*«Да, здравствует ЛЮБОВЬ!» -
как вызов на дуэль
без промедленья.*

Для всех блуждающих умов

*из света в тьму,
от мрака до рассвета,
звучит:
«Да, приветствует ЛЮБОВЬ!» -
в которой скрыты все ответы.*

А потом, став единым целым, мы растаяли, как снежинка на тёплой ладони. Два белых голубя вспорхнули с недостроенной колокольни и устремились ввысь.

НЕРОДИВШИЕСЯ СТИХИ

Серый сгусток молчанья – телефон.
Он тяжелее стопудовой гири.
Ношу его как крест.
Но не помолиться на него,
не поплакаться.
Один.
За окном задыхается ветер.
В душе листопад черновиков.
Твое ночное молчанье –
мои неродившиеся стихи.
Лишь, изредка, рука
трогает то ли сердце,
то ли телефонную трубку.

Больно. Очень больно...

24 января 1999 г.

Растаяло солнце в небе,
как льдинка в руках,
и капает, капает свет
золотою листвою.

1997 г.

Лист умирал на холодной ветке.
Земля качнулась.
И он, кружась, упал ко мне на ладонь.
Пять лучиков пальцев
согревали съезжившееся тельце:
я баюкал его в маленькой люльке,
сделанной из моих сухожилий и вен,
И шептал заморожено:
«Пусть, малыш, приснится тебе
утренняя птица,
мягкие перышки которой,
так волновали тебя весной».
Потом вошло солнце.
Летун вздрогнул
и – выпорхнул...

Тогда листок и научился летать,
сам, не подозревая об этом.

Лопуховое детство моё!
Здесь жужжание пчёл
и журчание жаворонка в небесах.
Запах нежной проточной воды –
в ласкающем душу Затоне.
Закрою глаза
и чую запах костра,
вижу блеск прозрачных
ангарских вод,
чувствую кончиками пальцев
прогретый металл барж.
И, уставший от пыли
асфальтовых улиц,
остатками сердца
ловлю каждый голоса звук,
каждый жест,
каждый взгляд ровесников усольчан,
напоминающих мне, о моём Усолье...
Где ты, дом мой родной?
Я умираю, но мне не страшно...
Кто спелые грозди майских жуков
на улицах этого города собирал?

Кто в тенистых аллеях

сосновых боров

рос как подснежник,
доверяясь ветрам и дождям?
Кто мог безошибочно чують,
зайдя в тайгу, лишь по запаху,
где рыжик, где груздь,
где масленок шепчется с травами?
Кто умел нехитрым заговором
в корчагу и на кукан
рыбий народ заманивать?
Кто учился с людьми говорить
словами шмелей, пчёл и кузнечиков?
А музыка?! –
Только клавиши крыш,
да струны ветвей,
да дыхание сердца –
вот что или кто
может создать
настоящую музыку!
Я умираю, но мне – не страшно.
Потому что даже,
сделавшись просто этим всем,
будет достаточно для меня –
звучать, говорить, думать,

чувствовать...
А что еще надобно человеку?

28 мая 1999 года

Я, во сне, забываю,
что мамы нет уже.
Вместе с ней радуемся
народившейся,
пахнувшей ботвой
и осенней листвой картошке;
подрастающему сынишке,
стебли рук которого
очень похожи на мои;
расцветающей дочурке –
солнечный зайчик её улыбки,
как горсть воды
в жаркий день в ладонях у мамы.
Я чувствую их запах:
свежеиспеченного хлеба,
прополотой травы,
апрельской земли
и недорогих папирос.

**Я вижу в зеркале:
лукавый её взгляд,
паутинки морщинок у глаз,
воздушные кольца волос.
Слушаю, слушаю, слушаю
её байки и присказки
и не могу наслушаться голосом
моего народа ...**

1 марта 2002 года

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ

СНЫ

СОН №1

Начинается затмение лица.
А ночь, сложив свои крылья,
топчется мокрой вороной
на балконе квартиры №50.
«Ага!» - снова во сне бредить
шорохами звезд и шорохами ресниц:
актёр играет свою роль,
даже на сцене подсознания...

СОН №2

«Кровь цыганская во всё виновата!»
думал Иванов, вскрывая вены.
Дремала семья канареек в клетке.
Рушилось неслышно небо в ванной.
Ябеда-сердце
превращалось в нежилой островок.
Кроткие руки безразлично
алели на дне.
Освобожденная душа,
выпорхнула в комнату,

Вольготный ветер, словно Волхов,
подаривший всему неизвестному
имя «Нет»,
сны превращал в розовые пушинки,
а потусторонние новости
приносил на крыльях птиц.
Архитектоникой жизни
стало его непредсказуемое дыхание.

СОН №5

Люди на цыпочках
по скальпелям дорог бредут.
Юг – в каждом сердце.
Больно –
соринка солнца попала в глаза...
Осторожно! Распахнуты окна луж!
Верно, очень верно,
что миром правит ЛЮБОВЬ...
Ь...

Как-то раз
собрались вместе шесть философов

и давай воспитывать друг друга!

Один

показывал всем комету в небе

и изрекал фразы, наподобие:

«Какие вы все дураки!».

Другой

делал гениальные бутерброды

и подыскивал синоним

понятию «тренинг».

Третья

кричала во сне:

«Как пить дать, завтра нас побьют!»,

И размышляла, бодрствуя,

о полезности трансексуального секса.

Четвертая

**варила философский борщ
и была знаменита фразой:**

«И пусть они кувыркаются!».

Пятая

читала кодекс чистоты в квартире

и умела ввести в состояние транс

мужскую половину

поцелуем на сон грядущий.

Шестой,

озабоченный бегством в себя,
был тайно влюблен во всех
и мучился, размышляя:
«А правильно ли это?».

Всё это не стоило каких-нибудь слов,
если бы не расписание любви,
продиктованное мартовской каплей
и печально висевшее

в коридоре на стене,
в виде несбывшегося проекта
попеременного обладания.

Если бы не страх

синергетических действий
на завтрашнем погружении
в круг людских глаз!

Если бы не круговая порука фраз,
развешанных в воздухе,
очень напоминающих белые флаги
в осажденном городе!

А тут ещё, как назло,
совершенно опостытели

Теофраст и Акунин
и сюрреалистические силлогизмы

Льюс Керолла.
Они, подобно большой дозе
наркотиков,
будоражили сердце,
которое умоляюще вопило:
«На-ка, выкуси! Живым не дамся!» -
Это все вместе было
голубым застоєм маразма чувств,
клякнувшихся в самую гущу буден...

И, казалось бы, что им до домов с
хоботами водосточных труб,
призывно ревушим по ночам?
Что им это небо со слезами звезд
и леденцами лун в оттаявших окнах?!
Или, скажем, до каких-нибудь
хрустальных
рядов зубов сосулек
на деснах крыш?
Подумаешь,
сочиняет водопроводный кран
в ванной комнате
руладу об одиночестве тела?

А один,
с перевернутым сердцем,
напоминающий труп,
накрытый простыней,
сипит о сквозняках
открытых форточек и любви.
Другой,
с перевернутым разумом,
с вечною жаждой пить и читать,
клеймит гуманизм
и чистые скатерти на столе.

Третья,
парализованная логикой,
делит мир на белое и черное,
а вилок капусты ножом
на целое и частное.

Четвертый –
отстранён. И, почти незримо,
присутствуя в других,
обозначен в их насмешках,
и верит, пожалуй, только в Толстого,
да, ещё в двух-трёх мыслителей,
которых на кухне нет.

Пятая,

Урок философии

Парадокс дождя и снега –
с неба, в небо, в небыль... Ах! -
Бах и Моцарт – между строк.
Строг к себе палач, и я, с разбегу,
в непогоду, год за годом – в прах!
Бог иль дьявол, кто помог
выучить сей каверзной
судьбы урок?

Не пойму за что подраненный,
неподаренным букетом роз?
Надо ли себя в себе изжить?
Блажи, поэт, глазами карими!
Сквозь марево и плёс
слёз кипящих, но непролившихся,
чтоб – жить!

Чтоб жить?! – Зачем??
Всем угождать??? – Щека болит...
Душа болит...
Любви, любви, любви!

Зови и не зови –
незнаем и незначим,

**а, значит, снова – «жид»!
Обид не перечешь... Но – честь! -
Влюбленные всегда правы...**

**Хочу из шляпы воду пить.
Жить - значит, кочевать!
Не знать себя, не знать других.
Ох, лих! Ох, лихо мне...**

**И, чудится, побит.
Как будто буквы в акростих,
сошлись все маски.**

**Осталось называться
паяцем иль философом. Что хуже,
сужен, если Слову и Любви?
Пойми, не в силах я остаться,
если вкратце - просто мужем.
Зови меня, зови...**

**Но не лови ни жалостью,
ни долгом – не долг век
цветов, возвращенных
волею полей...**

**Нужна мне только малость:
безумие ветров,**

На этом и покончим.

И свой взгляд,
так просто, наугад, без

изворотливого разума,
сразу, устремим в наш дом.

Он полон интересных мыслей
и идей. Я рад
разлад души и тела

прятать там от сглазу!
В нём живут чудесные явления -
звенья единой и живой системы.
Любимый сгусток чувств

и вспышка света – дочка
(наш кумир и лидер).

Прославлен ленью -
сын (он соткан из идей
и замыслов). И мы -
соединенье света, тьмы,
рождающее многоточье...

И, точно, этих разноцветных строк,
не смог бы

разум монотонный мой
создать как радужный
и радостный, но бред,

не будь он столь
рачительно убог,
а я не раздражён собой
не в силах отыскать ответ:
кто, где, когда, зачем
всем нам, непонарошку,
души мучительной
свеченье подарил?!
И я как будто жил раз семь!
Или совсем-совсем немножко...
Так почему я так любил -
отчаянно, жестоко, милосердно,
неверно, преданно ту, которая
покорно сносила весь мой
многоликий вздор
и почти самозабвенно
без оскорбительного разговора
прощала мне случайный
мой позор!
Отчасти, что б узнать её,
своё изображение читаю вслух.

И много интересного
мне грезится меж строк.

за праздничным столом...
Хранитель время и времён!
Ты в силах
грех тела
в благость слова превратить!

Безумство книг,
что шепчется ночами,
нас приручает всех!

Потеха!

Когда на «свалке всех времен»,
какой-нибудь Платон,
без умысла, речами
своими первородный грех
опровергает.

- О, Соловьев взбешён!

Или Боккаччо с Рабле

(изящнейшая пара!)

жару задают и Честертону,

и Ильину:

ну, как тут не сойти с ума!?

Сума, конечно, всех нас ждёт,
но это разве – кара,

руки к небу поднимающих;
и вопрошающих детей
у светляков-киосков.
В обносках даже лужи,
скованные льдом...
Содом? – Скорее, Рим
поверженный, обителище
незнающих, что - святость,
но - святых, которым просто
лет на сто Бог ссудил терпенья
не отравиться злом.
А завтра снова будет день!
Разденутся, протаяв, небеса.
Писать начнёт ивовым прутиком
проклятия торговка семечек,
а шустрый воробей
с ней будет спорить (чисто бес!),
имея интерес к её мешку.
И путники
с авоськами, в авто, в платках
и шляпах (также без),
со всех окрест,
толпою пёстрою пройдут
тут, где бездомный человек

ворох рекламы и объявлений.

И – поделом!

«Меняю учителя логики

на косметический набор» -

Вздор! «Здесь были: Миша, Гриша,

Саша...».

А ниже: «Звоните Ире К. – 4-35-08.

Не пожалеете...».

«Лысеете? Поможем вам...».

Какой в душе раскол!

«Мотор в хорошем состоянии...».

Как выжить?!

Ближе: «Требуется

одинокий мужчина в расцвете».

Возможно, это я.

Еще точнее – каждый.

Неважно, в юбке или брюках –

всем мука эта суждена.

Она исходит свыше.

Лишний иль не лишний?

Важный иль отважный?

Однажды иль всегда? – Скука...

Наука презирать себя,

«под крышей» иль «на крыше»...

И – едет крыша!

**Снова брызги звёзд:
глаза, глаза, глаза – везде!**

В узде страстей

**и с хомутом рассудка.
Жут-ко! И жалко. Ежели всерьёз,
вопрос сей философский –
бездна!**

И – пшик! Заведомая «утка».

**Кому-то вздумалось поссорить
белый цвет и чёрный.**

Простор и узкие врата.

Лета и юность.

Глу-пость! Поэзия нужна!

**Не иллюзорный,
не беспризорный мир,
а истовый и истинный, где цвета
и звуки, и понятия –
всегда согласны не совпадать!**

Не совпадать, когда устроен быт.

И «быть или не быть?»,

как чашечки весов.

И – невесом божественный

твой взгляд и жест.
Испить ты хочешь этих снов?
Готов я... Тогда зажги свечу!
Зажги свечу у своего окна.
Одна, и даже, если не одна –
приду!

Не бойся этих слов.

Они лишь капельки меня.
Звеня, как шалая капель, они,
среди бела дня,
с ума сведя, способны и в бреду
явь отличить от сна.

Вот видишь: всполохи огней
полночных фонарей.
И снова дождь, и снова снег.
Какой-то человек иль Бог
по улице бредёт.
Разброд движений,
но не было ручней
ещё автомобилей, площадей,
когда побег
к себе приостановлен,
словно взвод

солдат командой старшины.

Но тишины я не хочу!

Ты видишь!?

Этот кипиш весны, способствует
переселенью душ!

Уж я не знаю, где и в ком

искать себя! Все дни –
единый солнечный разбег. Обиды,
споры, ласки, нежность –

всё убеждает: вездесущ
дух красоты.

Он сочинил пространство,
и странствуем в себе,

как по галактике...

На практике воображаем лишь
себя Дали и Босхом.

На самом деле: пьянство
непостоянство, страсть –

галантное,
приватное жеманство горы,
родившей мышь...

И выхода здесь нет.

Ответ на все вопросы

давно придуман.

Пусть холод, голод, брань –
встань! Проснись и пой! Вдохни
возни щенячьей и людской. Пусты
листы (хотя бы эти) без добра
и зла, как без тебя, отныне,
эти дни...

И – прочь гони живых поэтов!
Обетов их не соблюдай.
Отдай же мне, в залог, себя!
А, заодно, меня... Но уговор,
Коль невзначай,
коснешься светом света,
где-то на перекрестках звезд:
читай
молитву эту, как двух друзей
невинный разговор...

А на дворе злодействует весна.
Она так хороша!
Ни слова о прощанье!
Обнимет, как обманет
прошлогодня трава.

Кора деревьев станет вдруг
теплой. Весна
желанней и мучительней
в скитании -
манит влюбиться и,
знаешь что,
она – права...

29.03. 1997 – 6.05. 2017

Содержание

Вступление. Мои уроки поэзии.....	4
Провозглашённое небо	
«Холодное небо ...».....	9
Лизальщицы мороженого	9
«Эй, нашкодившее человечество!»	11
«Снежное лицо твоё...»	13
«Два печальных зонтика ...»	13
«В ладонях наших детей...»	14
«Ты знаешь, дорогая...»	15
Поэзия факта	
Московский дневник	19
Зарисовка	22
«Звуки, рождённые...».....	24
Воскресный вечер	26
«Любимая, я возвращаюсь...»	29
Емарский дневник	30
«В Приморье весна...»	33
«Слово «город»	35
Из поэмы «Незнакомое поле»	
«Ветер! Я слышу голос твой...»	38
Неродившиеся стихи	
«Серый сгусток молчанья...».....	46
«Растаяло солнце в небе...»	46
«Какие-то вздохи и шепот в ночи...» ...	47

«Лист умирал на холодной ветке...» ...	48
«Лопуховое детство моё...»	49
«Я, во сне, забываю...»	51
Педагогический тренинг	
Сны	54
«Как-то раз, собрались вместе...»	57
Уроки поэзии	
Урок философии	63
Урок семьи	65
Урок города	73
Содержание	84
Краткие сведения об авторе	86

Краткие сведения об авторе

Гордин Александр (Гордин Александр Иннокентьевич) – кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель кафедры социальной педагогики и психологии Педагогического института ИГУ и кафедры журналистики и медиаменджмента факультета филологии и журналистики ИГУ, член Союза журналистов России, автор более 60 научных публикаций, в том числе 7 монографий и 7 учебно-методических пособий.

Автор сборников стихов «Скрипка дерева» (2007), «Ночной приют странников» (2007), «Язык шершавый сумрака» (2009), «Голос ослепшей птицы» (2011), «Предчувствие» (2015), брошюры «Восхождение (2005) о творчестве Марины Цветаевой; сборника рассказов, баек, афоризмов и стихов «Сибирский валенок» (2013), мистической поэмы «Незнаемое поле» (2017 г.); а также нескольких сотен

научно-популярных
литературоведческих эссе,
художественно-публицистических
статей на разные темы. Издатель
сибирской литературной народной
газеты «Александровский Централ»
(2000-2003 гг.). Главный редактор
общественно-литературной газеты
«Народное обозрение» (2007-2012 гг.).
Главный редактор художественно-
публицистического альманаха
«Родные берега» (2014, 2017 гг.),
научно-популярного и художественно-
публицистического альманаха
«Народное обозрение» (2014, 2015,
2016, 2018 гг.).

Лауреат премии общественно
фонда «Творческая интеллигенция –
школе» XVI Всероссийских
педагогически чтений, посвящённых
100-летию М. И. Цветаевой (г. Москва,
1993 г.). Руководитель литературного
клуба ВНШ. Член совета директоров
ВНШ.

Александр Гордин

УРОКИ ПОЭЗИИ

СТИХИ

*Редакция автора.
Фотография И.Дорохова, иллюстрации из
интернет-источников.
Стандарт-макет
В. Тихомирова.*

Подписано в печать **18.04.2018.**

Формат **62X841/32**

Бумага мелованная 90 г/м.

Печать офсетная.

Усл. печ. л. **12,67.** Тираж 100. Заказ **№28.**
Изготовлено в ООО Типография «Иркут»,
г. Иркутск, ул. Новаторов, 3, тел.:48-17-53,
ул. Франк-Каменецкого, 24, офис 204, тел.:
203-523.

